

Доктор Нонна
Немачеха (сборник)
Серия «Житейские истории»

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375585
Доктор Нонна. Немачеха: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56789-8

Аннотация

Смерть матери Рита восприняла как предательство и, ожесточившись, закрылась от всего мира. Как ни старалась Полина заменить девочке мать, Рита упорно считала ее чужой, далекой, мачехой. Полина чувствовала: только любовь и безграничное терпение могут растопить этот лед, но порою так сложно отвечать любовью на грубость и откровенные провокации.

Содержание

Немачеха	4
Холодные руки	4
Подарок на всю жизнь	8
Надейся на лучшее	11
Оладьи с медом и вареньем	15
Ворон	20
Это не кино	23
«Золушка»	25
Мудрость чистой воды	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Доктор Нонна Немачеха

*Огромное спасибо моему мужу, первому читателю и издателю
Мише за любовь и долготерпение.*

Немачеха

*Дети простят вам все, что угодно, кроме вашей смерти.
Рэй Брэдбери*

Холодные руки

Плотная, наполненная дождевыми струями тьма, ложась на стекла, превращала их гладкость в подобие хрустальной грани: сливающиеся и разбегающиеся капли дробили отражения рекламных, фонарных, светофорных огней, точно в калейдоскопе. Когда Рита была маленькая, мама подарила ей картонную трубочку с цветными стеклышками. Сначала волшебные узоры увлекали, потом стало страшно. Мама высыпала стеклышки на ладонь – смотри, тут совсем нечего пугаться! Но маленькая Рита рассердилась, швырнула игрушку в угол, да еще и ножкой по ней топнула.

Кажется, это было еще в России. Так далеко, как будто в другой жизни, от которой в памяти не осталось почти ничего. Только вот этот калейдоскоп, да еще сугроб возле дома. В шубе, шапке, валенках и еще миллионе одежек даже стоять было неловко и тяжело, не то что двигаться. Рита плюхалась в сугроб – он казался мягким и очень холодным, даже через рейтузы. Мама поднимала девочку, отряхивала и говорила, что на снегу сидеть нельзя, что она опять простудится, и вообще это очень вредно.

Рите и сейчас иногда казалось, что она все еще сидит в том сугробе. Шуба тяжелая, неудобная, шарф кусает за подбородок, завязки шапки почему-то лезут в рот, сугроб мягкий, безопасный и очень, очень холодный.

Хотя за двадцать лет Рита, пожалуй, уже и забыла, какие они – сугробы. В Израиле снега не бывает. Если зима – значит, дождь. Такой плотный, что даже при плюс десяти кажется ледяным. Рита поехала. Может, заехать в какое-нибудь кафе? Спросить горячего чаю – не потому что хочется именно чаю, а потому что можно сидеть, обхватив чашку, и чувствовать, как понемногу оживают заledenевшие ладони.

Руки мерзли всегда. Андрей, растирая их, всегда смеется – что за врач с холодными лапами? Раньше Рите нравилось чувствовать, как под его пальцами ладони наполняются живым теплом. Нравилось отшучиваться: руки холодные – сердце горячее. Сейчас стало все равно. Давно пора сказать – прости, дорогой, давай разойдемся, как цивилизованные люди, было и прошло – но все как-то неловко. Все-таки не один год вместе – хоть и живут порознь, но встречаются чуть не каждый день, и профессия общая, хотя Рите еще доучиваться. И не ссорятся никогда. Прямо образцово-показательная пара – как тут разойтись? Уж лучше бы поссорились!

Ладно, не надо никакого кафе, до дома осталось совсем немного. Рита пошевелила пальцами на руле. Машину подарили на двадцатилетие родители. Хотя какие они родители? Девушка привычно усмехнулась. Ну вырастили, конечно, да. Но это ведь не потому что любили – выбора не было. Ребенок – не котенок, на помойку не выбросишь. Осудят. Вот и

заботились. К тому же всегда изо всех сил подчеркивали, что между ней, Ритой, и Тамар – нет никакой разницы. Тамар – квартиру и машину, значит, и Рите тоже. Правда, Тамар решила, что ее призвание – армия, приезжает редко, так что квартира собирает пыль, а машина скучает в гараже, – мстительно подумала Рита. Но это ведь ничего не меняет: поровну – значит, поровну. Вот и устроили аттракцион неслыханной щедрости. Только ведь... им ради этого рубашку последнюю с себя снимать не пришлось.

И все же, все же, все же... Если бы она, Рита, могла для них – даже не в ответ, а просто так – что-то сделать... Чтобы уже не думать: я – бесчувственная неблагодарная свинья. Но им не нужно ничего, у них все есть. Она сморгнула неожиданно набежавшую слезинку – вот еще фокусы!

Машину мягко тряхнуло. Рита резко нажала на тормоз. Неужели сбила кого-то? Но ведь дорога пуста? Или кто-то был? Такой ливень, что и не разглядишь.

Девушка выскочила из машины, огляделась и облегченно вздохнула: никого. Пустой асфальт зеркально блестел. Только... чуть сзади и ближе к обочине среди стеклянно-влажного блеска виднелась темная кучка.

Мимо равнодушно пролетали нечастые в это время машины. В мгновенно налетающем и пропадающем свете их фар Рита разглядела широко раскрытый, мутноватый, очень мертвый глаз, оскаленную пасть, судорожно вытянутые лапы... «Кошка! Господи, я ее убила!»

Дождь заливал глаза, нос, рот. Как слезы. Бегут, и не остановишь. Рита слизнула с губы каплю и удивилась – не соленая. Вместо того чтобы вернуться в машину, девушка почему-то опустилась на мокрый асфальт рядом с маленьким скорченным тельцем. Что-то тут было не так.

Преодолевая ужас, она протянула руку и коснулась мокрой, слипшейся острыми «перьями» шерсти. Под «перьями» ощущалось что-то странное, деревянно-твердое, безнадежно окоченевшее. Рита, борясь с нахлынувшей тошнотой, судорожно сглотнула. Несчастная кошка была мертва уже давно, ее сбил кто-то другой, а Рита просто зацепила колесом уже застывшее тело.

Сквозь плотный шелест ливня и шум пролетающих машин пробился слабый писк. Девушка зашарила руками по мокрому асфальту, попала в лужу, опять наткнулась на мокрые мертвые «перья». Вздрыгнула, вытащила телефон – его слабого света не хватало. Писк повторился. В бардачке ведь должен быть фонарик! Рита метнулась к машине, щелкнула панелью, нащупала в нише увесистый металлический цилиндр, нажала кнопку...

В метре от мертвой кошки копошился крошечный черно-белый комочек. Пытался подняться на подгибающихся лапках, беспомощно разевал розовый ротик и плакал. Жаловался? Звал на помощь?

– Эх, малыш! – Рита сама уже чуть не плакала. – У вас тут гнездышко рядом, да? Мама ушла на промысел и не вернулась, а ты кинулся ее искать? А где твои братики и сестрички?

Она посветила вокруг – нет, никого. Подхватила тощенькое, неожиданно горячее тельце, прижала к промокшей насквозь водолазке.

– Ну что, поехали? – Рита неожиданно улыбнулась. Вот теперь у нее наконец-то есть семья. Есть кто-то, о ком ей нужно заботиться, кто без нее пропадет. – Ничего, малыш. Вместе не пропадем, да? Сейчас приедем, согреемся, поедим. Ты наверняка голодный.

Кормить-то его чем? Совсем малютка, едва глазки открылись. Нужно молока купить. И лакать он, наверное, еще не умеет.

Девушка кое-как обтерла малыша найденными в бардачке салфетками, свернула свою курточку на пассажирском сиденье, постелила туда валявшийся сзади платок – шелковый, скользкий, но сухой! – уложила в получившееся гнездышко котенка. Он снова запищал, пытаясь выбраться.

– Холодно тебе так? Эх, бедолага! Ну давай по-другому.

Рита завернула найденыша в платок, надела курточку, застегнула «молнию». Курточка была коротенькая, пояс плотно охватывал тонкую талию. Девушка сунула котенка за пазуху. Он завозился, устраиваясь поудобнее – крошечные коготки сквозь тонкую водолазку щекотно царапали кожу – но пищать сразу перестал.

– Вот так-то лучше будет, да? И тепло, и не вывалишься, – она опять улыбнулась. – Только не возись сильно, мне машину надо вести, понял? Ты же хочешь побыстрее домой?

Через несколько кварталов Рита заметила освещенную витрину небольшого магазинчика. Внутри было тепло. Немолодая продавщица подозрительно покосилась на вздущуюся куртку. Рита не любила, когда на нее смотрели, сразу хотелось куда-нибудь спрятаться. Но беспомощный комочек за пазухой придавал уверенность. Девушка приоткрыла «молнию». Коготки опять царапнули кожу, из-за полы куртки показалось сперва крошечное ухо, потом любопытный глаз.

– Ой! – заулыбалась продавщица. – Какой маленький!

– На дороге был, – объяснила Рита. – Не бросать же. Только он, наверное, и есть-то сам еще не умеет.

Она купила рулон бумажных полотенец – тонкий шелковый платок был уже насквозь мокрый, да и водолазку можно выжимать – и бутылку молока.

Полотенца были толстые и мягкие, черно-белая шерстка перестала липнуть к тощенькому тельцу и даже слегка распушилась. Глазки у котенка еще по-младенчески голубели, а носик был наполовину черный, наполовину розовый. Пока Рита заново устраивала найденыша за пазухой, продавщица без умолку давала советы. Молоко надо обязательно водой развести, от цельного понос может быть, а еще лучше детскую смесь взять, тут за углом – она махнула куда-то в сторону – аптека, и пипетки там купить можно, сосок-то таких маленьких не бывает ведь, да?

Рита поблагодарила словоохотливую продавщицу, нашла аптеку, купила детскую смесь и пипетки. И провизорша, и уборщица пялились на нее во все глаза, но странное чувство уверенности не пропадало. Пусть глядят, если им делать нечего. А ей нужно о малыше позаботиться.

Дома Рита сбросила мокрую одежду, вошла в издававший виды махровый халат – котенок, временно ссаженный на диван, сразу запищал – и начала устраивать найденыша.

– Сперва будем мыться, да? Ты ведь в грязной луже сидел, а там микробы, у-у-у, какие злые!

Купаться малышу неожиданно понравилось. Он не только не пытался вырваться, но даже не пищал. Подхваченный под горячее пузечко, висел на ладони, подергивал спинкой и жмурился, пока Рита поливала его из душа. Обтерев малютку, девушка сунула его, чтоб не замерз, за пазуху халата. Разведя детскую смесь теплой водой, она попыталась «ребенка» накормить. Не тут-то было! Пипетка ему не понравилась сразу: твердая, холодная – фу! Клацнув по стеклу крошечными зубками раз-другой, малыш стал упрямо отворачиваться. Отчаявшись, девушка налила смесь в блюдечко, макнула в нее палец и мазнула котенка по носу. Котенок фыркнул, облизнулся, лизнул подставленный палец, потом еще раз. Палец был явно вкуснее пипетки.

Посадив упряма возле блюдечка, Рита стала кормить малыша с пальца. Котенок жадно слизывал смесь, явно недовольный – почему так мало! Повел носиком, ткнулся в блюдце, фыркнул – и начал лакать! Сам!

Рита почувствовала, что у нее неожиданно защипало в носу. Да и в глазах, по правде говоря, тоже. Вот еще, заплакать не хватало!

– Да ты же моя умница! Надо же, как жить хочешь! И правильно. Только так и нужно.

Вздыхнув с облегчением, она отыскала в шкафу электрогрелку, уложила на нее старый кашемировый свитер – получилось гнездышко. Котенок меж тем успел съесть все, что было

в блюдце, зажмурился и повалился на бок, выставив надувшееся пузечко и сонно чмокая. Девушка осторожно переложила найденыша в приготовленное гнездышко.

– Эх, ты! После еды мыться полагается, а ты сразу спать! – губы сами собой расплылись в глупую счастливую улыбку. – У родителей Чампи, а у меня будешь ты. Надо тебе имя придумать. И, кстати, ты девочка или мальчик? – она осторожно повернула котенка на спину. – Девочка.

Имя всплыло неожиданно:

– Ты будешь Люба! Люба моя дорогая! – Рита смахнула все-таки наворачившуюся слезинку.

Подарок на всю жизнь

– Мам, а почему у нас нет папы? – спрашивала четырехлетняя Рита.

Нет, конечно, ей не нужен был никакой папа, фу! Они все грубые, вонючие, волосатые! Просто у них с мамой как будто игра такая. В вопросы и ответы.

Лена улыбалась и прижимала дочку к себе.

– Потому что ты моя девочка. Только моя и ничья больше, да?

– Прямо как Дюймовочка?

– Гораздо лучше, чем Дюймовочка! Она была совсем маленькая, поэтому потерялась.

А ты никуда не потеряешься, да? Ты моя любя!

– Я же Рита!

– Люба – потому что любимая! – в сотый раз повторяла Лена. – Люба моя дорогая!

Любой звали маму. «Рожай! – торопила она. – Чтоб я успела хоть немного с внуками понянчиться». Сама она родила Лену в тридцать восемь.

Лена все время думала, что ей здорово повезло – все получилось с первого раза. Мужчины ее пугали. Еще со школы, когда одноклассники затащили ее в пустой класс и стали лапать. Нет, ничего они ей не сделали, да и не собирались, наверное, просто буйствовали от молодой дурости. Но Лена на всю жизнь запомнила мерзкие жадные руки и жуткое обесценивающее чувство полной беспомощности. Какие уж тут «внуки»! Чтобы мама могла порадоваться «внукам» – хотя бы одному! – без этих грубых, вонючих, отвратительных тварей не обойтись. Нельзя же родить от ангела небесного! То есть Лена-то и рада бы – но где ж взять ангела?

Да и не-ангела тоже. Вроде бы затащить в постель кого-то мужского пола не так и сложно – достаточно сначала слегка подпоить. Но пьяное зачатие... Спаси и сохрани от такого ужаса!

С Богданом она познакомилась на дне рождения у бывшей школьной подружки. Он оказался в компании случайно и привлек Ленино внимание тем, что пил только минералку – мол, за рулем, и еще куда-то ехать нужно. Вспомнив советы опытных подруг, она напросилась к нему в машину и ухитрилась заполучить номер телефона. Через неделю, выпросив у однокурсницы ключ от комнаты в общежитии, Лена собрала все свое мужество и позвонила, придумав какую-то дурацкую просьбу – кажется, помочь повесить книжные полки. Как ни странно, Богдан не только ее вспомнил, но и в помощи не отказал.

Выглядела Лена всегда моложе своих лет, ее даже за школьницу иногда принимали. Встретила гостя в легком халатике, который все время норовил распахнуться. Прижалась, как бы случайно, раз, другой... Кто же откажется, когда симпатичная девчонка сама на шею вешается?

Потом Богдан, правда, изумился: «Что ж ты не сказала, что девочка еще? Я-то думал...» Но это было уже не важно. Вскоре стало ясно, что все получилось с первого раза, повторений не потребуется.

Появление внучки практически совпало с маминым семидесятилетием. Она не отходила от кровати, плакала и говорила, что это самый лучший подарок за всю жизнь.

Правда, понянчиться с малышкой она почти не успела. Умерла, когда Рите едва исполнился годик. Лена утешала себя только тем, что ушла мама легко – просто уснула и не проснулась. Возраст, что поделать.

Сразу после смерти бабушки Рита начала болеть: то горло красное, то нос хлюпает, то чихает без перерыва. Лена уже впадала в отчаянье – ну что это такое?! Ведь она делает все то же самое, как при маме. А Рита из простуд не вылезает – хоть головой о стенку бейся! Участковый педиатр, милейшая Татьяна Алексеевна, только вздыхала: «Надо же! Такая хорошая

девочка! Как будто сглазили!» А однажды сказала: «Знаете, Леночка, мы уже все, что можно, проверили, нет никаких причин. Я думаю, вам нужно климат сменить. Уехать куда-нибудь, где много солнца. У вас в Израиле никого нет?»

В Израиле жила Вера, мамина старшая сестра – отрезанный ломоть. Мама не любила о ней вспоминать, говорила, что та всегда эгоисткой была.

Лена отыскала в сумке со старыми бумагами Верин адрес и написала ей, не особенно, впрочем, рассчитывая на ответ. Но Вера ответила. И вызов оформила быстро. Даже в аэропорту встретила – растолстевшая, сильно постаревшая, какая-то ободранная. Вылинявшая майка, бесформенная юбка с неровно свисающим подолом, красноватая нездоровая кожа. Скептически оглядев Лену и Риту, Вера тут же заявила: «Ну вот что, родственнички! Я свое дело сделала, нянчиться с вами больше не буду. Ясно?» Развернулась и ушла.

– Ну, мам! – приставала Рита. – Теперь ты должна сказать, что долго-долго обо мне мечтала, потом я появилась, а потом мы приехали в Израиль, и теперь у нас все отлично!

– Я долго-долго о тебе мечтала, потом ты появилась, потом мы приехали в Израиль, и теперь у нас все отлично! – послушно повторяла Лена, ероша нежные прямые волосы дочери.

И стучала по дереву – чтобы не сглазить. Ведь после переезда все и вправду сложилось как нельзя лучше. Квартира, правда, государственная (матерям-одиночкам, не имеющим своей квартиры, в Израиле выдается государственная квартира), но это временно, и вообще не страшно. Работа – Лена устроилась в библиотеку – в пяти минутах от дома, и Риту туда можно приводить. Очень живая, упрямая, иногда почти неуправляемая девочка среди набитых книгами стеллажей затихала, замороженно глядя на уходящие ввысь и в стороны ряды. Медленно ходила вдоль полок, водила пальчиком по корешкам, даже разговаривала с ними.

Но самое главное – после переезда Рита ни разу не простудилась. Вот ни разочка! В первую их израильскую осень Лена еще побаивалась – как дочкаотреагирует на холодные зимние дожди. Оказалось, что никак. Наверное, Татьяна Алексеевна оказалась права, и дело было в климате. А может, в витаминах. Фрукты Рита могла поглощать круглосуточно. Усаживалась на пол, ставила рядом громадное блюдо, полное «вкусняшек» – от инжира до яблок – и, не отрываясь от разложенной на коленях книжки, успевала еще подсовывать кусочки черепахе Марте. В это время загорелая до индийской смуглости Рита была похожа на ожившую бронзовую статуэтку какого-то экзотического божка.

Кроме Марты, они завели еще рыбок и вечерами подолгу наблюдали за таинственной водной жизнью.

Правда, рыбки скоро умерли. То ли их вода не устраивала, то ли солнце, то ли, наоборот, тень. Но однажды они все сразу взяли и уснули. Хорошо, что Рита в школе была, не видела. Лена тихонько вынесла аквариум на помойку – подальше, за три квартала от своего дома, еле дотащила – и сочинила какую-то историю про незнакомую девочку, которой очень-очень нужны были именно эти рыбки. Ну в самом деле! У них ведь и рыбки, и черепаха. А у девочки – никого. Вот и пришлось ей рыбок отдать. А у них Марта осталась. Неуклюжая, смешная.

Лена долго еще боялась нечаянно проговориться о судьбе рыбок. Но Рита так о них и не вспомнила – вокруг было столько интересного! Под балконом росла олива – на нее прилетали смешные зеленые попугаи! Да-да, настоящие попугаи – Рита обожала за ними наблюдать. А еще книжки, пальмы, трудный, но такой увлекательный новый язык – девочка начала болтать на иврите раньше самой Лены. Рита вообще любила все новое, загоралась мгновенно и сильно – я это хочу! Лене нравилось исполнять дочкины желания – она чувствовала себя настоящей волшебницей. Могущественной и всесильной.

Незадолго перед тем как Рите исполнилось десять – первый юбилей! – она страстно захотела куклу Ферби. Все уши прожужжала. Лена сначала думала, что Ферби – это что-то

вроде Барби. Платица, домики, мебель и прочие игрушечные радости. Оказалось – ничего подобного.

Ферби была не совсем кукла. Точнее, совсем не кукла. Удивительно притягательная и немножко страшная.

Нет, тоже не так. Ферби была очень страшная. Какой-то Чебурашка-мутант. И при этом мистически притягательная. Очень живая. Как щенок или котенок. Или даже больше, потому что вдобавок к пушистости и подвижности умела еще и разговаривать. Рита увидела ее в какой-то рекламе – и как будто прикипела: мама, хочу такую! Лене кукла показалась жутковатой, но ведь дети смотрят по-другому.

Торопливо распаковав подарок, Рита замерла:

– Мам! Я ее боюсь!

– Но ты же так хотела именно Ферби, – растерялась Лена.

– Я не знала... она такая... такая...

– Ну хорошо, давай ее кому-нибудь подарим.

– Нет! Это моя! – Рита топнула ножкой.

Лена меж тем с ужасом думала о том, что завтра будут готовы результаты обследования. Врач, который выписывал ей направление, смотрел так красноречиво, что женщина предчувствовала, какие это будут результаты.

Завтра она все узнает. В Израиле диагноз говорят сразу. Не то, что в России, где прячут глаза, бормочут что-то утешительное, обнадеживающее. Берегут! Как будто человека с «диагнозом» еще можно от чего-то уберечь.

Наутро после Ритиногo дня рождения Лена почувствовала себя совсем плохо: низ живота крутило, нога подламывалась, в голове звенело, в глазах мелькали темные точки.

Дочка, как назло, капризничала, требовала заплести косичку то повыше, то сбоку, торопила:

– Мам, ну чего ты? Тамар сейчас уйдет!

Тамар и ее мама, Полина, жили на том же этаже. Долгое время соседи едва здоровались при встречах, но, отдыхая в Эйлате, случайно столкнулись и с тех пор подружились. Подружились и девочки – бегали вместе в школу, в магазин, вместе выгуливали смешного соседского японского хина Чампи. Тамар была на год старше, и Рита старалась ей подражать.

Когда дочь, подхватив ранец, торопливо выскочила за дверь – а вдруг Тамар уйдет без нее! – Лена впервые задумалась о том, что же будет дальше.

«Надейся на лучшее и готовься к худшему», – говорила мама. А самое худшее – то, что Рита скоро останется одна. Что же делать? Разыскивать Веру? Страшно даже подумать о том, чтобы оставить с ней девочку. Нет, это не годится. Единственный близкий человек – Полина. Тем более она сама врач...

Надейся на лучшее

В больнице, когда худой суровый онколог, сокрушенно качая головой, что-то рассказывал о порядке предполагаемого лечения, Лена потеряла сознание. Очнулась она в сумерках.

– Куда вы? – остановила ее молоденькая медсестра с ярко накрашенными губами. – Доктор велел до утра вас оставить. А утром оформлять начнем на лечение.

– Я не могу – до утра. У меня ребенок дома один. Я завтра, честное слово... а сейчас мне нужно идти. Пожалуйста! – Лена говорила очень быстро, не давая вставить и слова возражения. – Где моя одежда? Я в халате уйду!

Девушка неохотно принесла ее одежду.

– А если на улице упадешь?

– Не упаду, – твердо сказала Лена. – Я сильная. Мне нельзя.

– Ладно, сильная, иди, – медсестра смотрела на нее скептически. – Что, ребенок совсем маленький?

– Десять лет... – женщина загнала внутрь подступающие слезы, – вчера исполнилось.

– Ладно, – повторила медсестра, с жалостью глядя на бледную до синевы Лену. – Иди. Но смотри – завтра же сюда, каждый день на счету.

Лена плохо помнила, как добралась домой: как ловила такси, как мимо окон мелькали первые вечерние огни. Главное – добралась. Не упала. Она же сказала – не упаду.

У двери женщина, привалившись от слабости к стене, долго копалась в сумке, не могла вытащить зацепившиеся за подкладку ключи.

В квартире было темно и тихо. В прихожей валялся Ритин рюкзачок. Значит, из школы она пришла. Пришла и...

На подламывающихся ногах Лена вышла на площадку и позвонила в соседскую дверь, из-за которой доносились звонкие детские голоса, заливистый лай Чампи, и как бы поверх – спокойное медленное контральто Полины.

– Мама?! Где ты была? – недовольно спросила раскрасневшаяся возбужденная Рита, пританцовывая в дверном проеме. – Я тебя ждала, ждала... Ты что, про меня забыла?

Полина принесла пачечку тетрадок, сунула девочке в руки, слегка шлепнула по затылку:

– Беги домой. Видишь, мама устала, ей отдохнуть нужно. Лен, уроки они вместе делали, ужином я их обеих накормила.

– Спасибо, Поль, – Лена попыталась улыбнуться.

Полина только покачала головой, профессиональным взглядом оценив и бледность, и дрожащие ноги, и влажные от пота волосы на висках.

Часа через полтора она постучала в соседскую дверь. Дверь шевельнулась – не заперто.

Лена сидела в углу кухонного диванчика и как будто дремала.

– Полина? – не то спросила, не то поздоровалась она, медленно, точно через силу приоткрыв глаза. – Хорошо, что ты зашла. Я сама хотела, да вот заставить себя никак не могу. Устала что-то.

– Устала? Ну-ну. – Полина усмехнулась. – Лен, я же врач все-таки. Рассказывай.

– Да что там рассказывать... В больницу мне нужно...

– Это я и сама вижу. Анализы сделали уже?

Лена вытащила из сумки папку со страшными бумагами. Полина быстро просмотрела все.

– Операцию назначили?

– Вроде через неделю. Но говорят, надо уже завтра ложиться. Поль, мне Риту не с кем оставить...

– О чем ты говоришь? Конечно, я Риту к себе заберу пока, лечись спокойно.

– Поленька, мне не «пока», мне вообще не с кем ее оставить. Ты ее возьмешь, когда... – она не смогла договорить.

– Лен, ну чего ты в панику ударилась? Онкология – не подарок, конечно, но тысячи людей после такого диагноза нормально живут. Шейка матки отлично оперируется, ну еще химию, наверное, придется делать, радиологию, но... Знаешь, правильно говорят: бороться нужно до тех пор, пока тебя не закопали. Я тебе это как врач говорю, навидалась, как безнадежные встают. Так что соберись!

– Полина! – восклицание, казалось, отняло у Лены последние силы, она откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза и очень тихо проговорила: – Я не хочу, чтобы Риту в приют забрали.

Подруга собралась было снова возразить, но не стала.

– Ну в чем-то ты права. Лечение – дело долгое. И одну ее, конечно, не оставишь. Это Тамар моя сызмальства привыкла, самостоятельная почище многих взрослых. А Рита – да, ей еще пригляд ох как нужен. Я-то ее, понятное дело, не брошу, только... Лен, могут прицепиться, что я не замужем. И не отдадут.

– А я думала, вы с Робертом собираетесь...

– Думала она! Ох, извини. У него в той семье два сына. Почти взрослые, да, но я ведь не стану его торопить, ты же понимаешь.

– Но он так на тебя смотрит... И по-моему, для простого опекунства не обязательно, чтобы ты непременно замужем была. Полина, пожалуйста!

– Да что ты, Лен! Я разве отказываюсь? Просто не все же от меня зависит, что там еще юристы скажут. В любом случае развод – дело долгое. Но опекунство... Да, наверное, это можно будет сделать. Завтра с нашими больничными юристами посоветуюсь. Но это не твои заботы. Твое дело – думать о выздоровлении, поняла? Это я тебе повторяю как врач. Риту завтра сразу из школы заберу, а там... Не переживай, я сделаю все возможное. И даже немножко больше.

Заснуть Полина не могла долго. Ворочалась, вставала, пила воду, заглядывала в детскую, прислушиваясь к дыханию дочери, опять ложилась и думала, думала, думала...

Рита, конечно, избалована донельзя, но это полбеды. В конце концов, ей, Полине, всегда хотелось, чтобы дочерей у нее было две. Но вот Роберт...

Ее бывший муж, отец Тамар, был уверен, что весь мир существует для его собственного удобства. Красавец, умница, обаяния море – его обожали все, начиная от знакомых девчонок и заканчивая преподавателями в университете. Полина страшно гордилась, что он выбрал именно ее. Ну да, как в «Белом солнце пустыни»: «Господин назначил меня любимой женой!» Правда, при ближайшем рассмотрении жизнь с «господином» оказалась совсем не такой радужной, как виделось в мечтах. Он приходил и уходил, когда вздумается, даже не удосуживаясь предупредить. Волнуется? Что за чушь! У нее «должность» такая – трепетно ждать, когда «господин» изволит появиться на пороге. Ну и ужин горячим держать к его явлению – это уж само собой. Он не признавал полуфабрикатов, сегодня ему хотелось кулебяки, завтра карпа в сметане, послезавтра – «простенькой» жареной курочки, хорошо хоть не утки по-пекински. Вы пробовали когда-нибудь сохранить горячей жареную курочку? Фу, опять разогрела, – недовольно кривился «господин». Так же, как кривился, когда рубашка оказывалась выглажена недостаточно, по его мнению, идеально. Да и ласками супружескими он свою «любимую жену» одаривал не сказать чтобы часто. Так, под настроение.

Поначалу Полина изо всех сил старалась «соответствовать»: чистила, готовила и ждала, ждала, ждала. Потом как-то надоело. Как говорила одна ее приятельница, «жданка сломалась». И когда «господину» зачем-то приспичило развестись, она не только не возра-

жала – наоборот, вздохнула с облегчением. Быть матерью-одиночкой куда легче, чем подстраиваться под чужие капризы. А когда переехали в Израиль, и вовсе хорошо стало.

А потом появился Роберт... Худой, некрасивый, с громадными «хирургическими» руками, старше ее почти на пятнадцать лет... Счастье мое...

Рядом с ним Полина впервые в жизни почувствовала себя не «любимой женой», не приложением к «господину», а просто женщиной. Желанной, любимой, требующей постоянной заботы. Хотя «требующей» – это только так говорится. Конечно, Полина ничего не требовала. Но Роберт заботился о ней так, словно это было главным делом в его жизни. Шутил: «У мужчин плечи шире, значит, им и тащить больше». Угадывал желания так, как будто ее мысли и чувства были для него открытой книгой. И не просто открытой – самой увлекательной книгой.

А два дня назад поставил перед фактом: «Хватит жить на два дома. Развод – дело долгое, пусть себе тянется. А я бы к тебе переехал уже. Если не возражаешь».

Еще бы она возражала!

Лене она об этом говорить не стала – боялась сглазить. Мало ли, как оно обернется. Ох, как это все не вовремя! Впрочем, разве такие вещи бывают вовремя?

Полина боялась разговора с Робертом. Но его реакция оказалась неожиданно «практической»:

– Черт! Как же это лучше сделать-то? – нахмурился он. – Я-то хотел к вам сразу переехать, может быть, даже сегодня. Но, если твоя Лена в больницу сейчас ложится, наверное, лучше дать девочке время освоиться? Или наоборот? Чтобы сразу привыкала. Как ты думаешь?

– Ох, Роберт! – Полина ткнула в его плечо и заплакала с таким облегчением, как будто долго-долго шла по пустыне, по камням, сбивая ноги, облизывая безнадежно пересохшие губы шершавым от жажды языком... И вдруг – оазис, прохладный блеск воды, густая тень под пышной листвой, чьи-то заботливые руки, снимающие с натертых до крови плеч непосильный мешок...

– Ну, весь халат промочила, – он нежно прижал ее к себе, глядя по голове. – Не плачь, все наладится. Сейчас схожу с тобой к юристам, все объясню. На, у тебя небось опять платка нет? – он бережно вытер ее мокрые щеки. – Так что? Мне сегодня к вам или несколько дней подождем?

Полина вздохнула.

– Рядом с Леной никогда мужчин не было. Сколько рядом живу, они с Ритой всегда только вдвоем. Если ты сразу переедешь... Не много ли ей будет?

– Ладно, значит, сначала пусть немного освоится, так и сделаем. Через неделю у нас дежурства совпадают, твою машину здесь оставим, вместе к вам приедем, договорились? А сейчас давай к юристам.

Старенький седой адвокат выслушал Полину неодобрительно. Конечно, об их с Робертом романе знали все – это же больница, здесь ничего не скроешь. Но знать – это одно дело, а юридические документы – совсем другое. После объяснений Роберта он немного смягчился.

– Конечно, лучше, если бы у вас, Полина, хоть какое-то свидетельство о браке было. Я-то все понимаю, но юридически вы не замужем. Но ладно. В конце концов, вы пока не удочерять девочку собрались, только опекуństwo оформить. Кстати, а зачем? Если вы соседки, ну поживет эта Рита у вас, пока мать в больнице. Или там все настолько плохо?

Полина молча написала в блокноте несколько строк: результаты обследования, что вчера показывала Лена, словно стояли перед глазами.

– Вот оно как, – юрист работал при этой больнице уже не первый десяток лет и диагнозы читал не хуже любого врача. – Ну что ж. Я готовлю документы на оформление опе-

кунства. Нужно будет еще у лечащего врача взять подтверждение временной недееспособности. И от матери просьбу. Она подписать-то сможет, в сознании?

Полина кивнула, сглотнув слезы.

Олады с медом и вареньем

Резкое пиликанье пейджера, казалось, воткнулось прямо в висок. Полина вздрогнула. – Опять? – Губы отказывались выговорить такое привычное и оттого еще более страшное слово «теракт».

Роберт молча кивнул, высмотрел в плотном автомобильном потоке «окошко» и резко свернул в боковую улицу.

– Много... народу?

Он пожал плечами:

– Все бригады вызывают, откладывается мой переезд, – он легонько сжал ее руку, как будто ободрил, покачал головой и снова свернул – назад, туда, где опять ждала работа.

Из клиники Полина позвонила соседке, попросила присмотреть за девочками. Та привычно заохала:

– Да когда же эти гады остановятся! Работай, Полиночка, я прослежу, не беспокойся. И завтрак сделаю. И в школу их провожу – если ты еще не вернешься.

Дальше началась привычная суета. Полина оперировала девушку лет восемнадцати с раздробленным плечом и рваной раной на животе. Девушка была ненамного старше Риты и Тамар. Полина старалась даже случайно не взглянуть туда, где было ее лицо. Убирала бесконечные кровавые сгустки, собирала плечо, соединяла разорванные сосуды – осколок прошел через брюшную полость, совсем немного не дойдя до позвоночника.

– Идите, Полина, мы сами зашьем, – сказал, наконец, ассистент.

Женщина устало кивнула:

– Поаккуратней только, чтобы шрамы поменьше получились. Девчонка-то молодая совсем.

В ординаторской она нашла свою сумку, достала сигареты, подумала и бросила их обратно.

Часы показывали что-то странное. Неужели восемь часов прошло?

За окном стояла густая чернильная тьма. От этого белая ординаторская казалась еще белее, неприятно напоминая только что покинутую операционную. Только «немедицинский» шкаф, в котором оставляли сумки, зонты и запасную обувь, был веселый, желто-коричневый, солнечный. На торцевой стенке кто-то из практикантов года два назад нарисовал несколько шаржей. На одном из них Полина, сурово нахмутив брови, держала наперевес шприц размером с газовый баллон.

Шкаф отгораживал закуток с раковиной и кушеткой. Сейчас оттуда доносились странные звуки – как будто вода в трубах стонала. Полина заглянула за шкаф.

Кудрявый веселый стажер Рон, самый молодой в их отделении, скорчившись в углу, мерно бил себя кулаком по коленке и всхлипывал, как ребенок, что-то невнятно бормоча.

В ординаторскую заглянула одна из операционных сестер, Берта. Полина прижала к губам палец и быстро вышла к ней в коридор.

– Что с Роном? Он там рыдает.

– Ох, Полина, – запричитала Берта, – первая самостоятельная операция у него была. Мальчика привезли лет десяти, с кровотечением. Его нашли, видать, не сразу. Пока довели, уже не жилец был. Если бы пораньше, точно спасли бы. Повреждения не очень большие, но при такой кровопотере – безнадежно. На столе умер.

– Берта! – ужаснулась Полина. – У Рона брату младшему десять лет. Да еще первая операция, он же еще стажер. Почему же ему-то пришлось?

– Выбора не оказалось – вы все уже оперировали, – вздохнула Берта. – Уже легких начали привозить, и тут этот мальчик. Больше некому было.

Полина кинулась назад в ординаторскую, присела рядом с Роном, обняла, прижала. Он выворачивался и все бил себя по коленке, повторяя:

– Уйду, уйду! Я не могу ничего! Я его не спас!

– Рон, Рон! – Полина прижимала парня к своему плечу, гладила по голове, так же, как утешала плачущую Тamar. – Его никто бы не спас. Так бывает, Рон. У нас просто такая работа. Ну подумай, как ты можешь уйти? Это совершенно точно твоя работа, ты все можешь, я-то вижу. Но – да, они иногда умирают. Мы, увы, не волшебники, мы только можем сделать, чтобы умирали меньше.

– А... а у вас тоже умирали?

Полина вздохнула, вспомнив первую «свою» смерть. Еще в России, сразу после института. Завотделением тогда чуть не силой влил в нее стакан разведенного спирта, приговаривая: «С бедой нужно переспать, вот сейчас поспишь, и все пройдет, и можно дальше жить, и работать можно...» Найти спирт, конечно, – не проблема, больница все-таки. Но оставлять несчастного парня здесь, на кушеточке – нет, это не дело. Решение пришло по-хирургически мгновенно. Полина заставила Рона подняться:

– Пойдем отсюда!

Берта помогла довести Рона до автостоянки. Он двигался механически, как кукла.

– К себе повезешь?

Полина кивнула:

– Не оставлять же.

– Водки бы ему сейчас, поспит, к утру полегче станет.

– Да уж знаю, – Полина усмехнулась, подумав, что надо бы предупредить Роберта. Ладно, как-нибудь.

Дома она вытянула из морозилки тяжеленную литровую бутылку, которую держала «на всякий случай». Щелкнула кнопкой чайника, открыла холодильник – бр-р-р, только не мясо! – достала сыр, зелень и какую-то рыбу. Рон послушно сидел на диване и на нее не смотрел, пялился остановившимся взглядом в свои коленки. Ну хоть не рыдал больше.

Голубоватая от холода водка не лилась, а тянулась в стакан, мгновенно покрывшийся серебристой изморозью. Полина сунула стакан Рону:

– Пей. До дна.

Вытаращив глаза – не то от резкого вкуса, не то от усердия – он старательно глотал ледяную водку. Полина искоса взглянула на тяжелодвигающийся кадык и отвела глаза. Бедный мальчик!

Бодро и успокаивающе зашумел чайник. Рон поставил пустой стакан на стол и опять замер.

Она тут же подсунула ему кружку с огненным, золотисто-красным, очень сладким чаем, в котором улыбалась толстая лимонная долька. Полина подержала в руках ледяную бутылку, подумала, налила полстакана и себе, искоса, чтобы не смущать, наблюдая за своим гостем. Хотя какой уж там гость! Это, может, в какой-нибудь строительной конторе – коллеги и сотрудники. А в клинике – родные люди.

Рон прихлебывал чай осторожно, крошечными глотками. Плечи его постепенно обмякли, пальцы перестали напоминать мертвую куриную лапу и обнимали горячую кружку уверенно и надежно. Глаза подернулись туманом, парень откинулся на спинку дивана, задышал ровно и медленно, с каждым вдохом сползая вбок.

Через две минуты он уже спал. Полина осторожно вытащила из сомкнутых ладоней пустую кружку, подсунула под голову подушку, накрыла легким пледом, влила в себя водку, зажевала куском сыра, побросала остатки трапезы в холодильник и поплелась в спальню.

Разбудила ее долгая, заливиная трель дверного звонка. Натягивая на ходу халатик и яростно протирая кулаком слипающиеся глаза, Полина пошлепала к двери.

На пороге стоял сияющий Роберт:

– Привет, любимая! Вот и я! Хотя ты и раньше уехала, но, как договаривались, я вот, прибыл в полное распоряжение... – он вдруг осекся, глядя ей за спину. – Наверное, надо было сначала позвонить. Я от усталости плохо соображаю. Извини... Ну я попозже зайду.

Ничего спросонья не понимающая Полина обернулась, проследив взгляд Роберта – в распахнутую дверь кухни был виден диван, на котором сладко спал Рон. Она посмотрела на растерянного, смущенного Роберта – и расхохоталась, усевшись прямо на пол и утирая сразу выступившие слезы.

– Ой, не могу! Ты ненормальный, честное слово! Это же наш стажер, Рон, у него... – Она перестала смеяться так же резко, как и начала, и, тяжело поднявшись, привалилась к косяку. – У него первая самостоятельная операция вчера была. Мальчик, ровесник его младшего брата, умер на столе от кровопотери – привезли слишком поздно. Никто бы ничего не смог сделать. Ну, а Рон... сам понимаешь, что такое первая смерть. Он решил, что виноват, что в медицине ему не место, что жизнь кончена. Не бросать же его было. Привезла, водки заставила выпить, спать положила. А ты что подумал?

Плохо завязанный халатик распахнулся. Роберт обхватил ее плечи, прижал к себе:

– Полин, я идиот, да? Мне все время кажется, что я такой старый, страшный. А ты такая красивая, юная.

– Да уж, прямо девочка-ромашка! – улыбнулась Полина. – У меня дочери одиннадцать лет, ты не забыл? А ты точно балбес. Старый и страшный балбес, – повторила она, поднялась на цыпочки и поцеловала его куда-то около глаза. – Самый старый, самый страшный... а главное – самый любимый. Понял уже?

Он подхватил ее на руки и понес в спальню...

Минут через сорок, когда Полина сладко размышляла, не подремать ли еще, в дверь заскреблись.

– Ма, ты спишь?

Полина, вскочив, вытащила из-под кровати скомканную простыню, расправила, накрыла Роберта, натянула халатик – все в одно мгновение – и выскочила за дверь. Но шустрая глазастая Тамар успела разглядеть гостя и возбужденно зашептала:

– Ой, мам, а сколько дядей у нас ночевало? Там на диване еще один спит... Я зашла на кухню, а он даже не проснулся!

– Это стажер из моего отделения, у нас вчера был очень трудный день. И вечер тоже.

– Опять? – совсем по-взрослому вздохнула девочка. – Мы вечером в новостях видели. А там кто? – она показала на дверь спальни.

– Это... – Полина смутилась. – Это мой друг. Он всю ночь оперировал, ему нужно отдохнуть.

– А почему он у нас отдыхает? Почему не у себя дома? Он теперь тут будет жить?

Полина вздохнула. Но что делать – рано или поздно все равно придется сказать.

– Да, девочка моя, он будет жить с нами.

– Ой, а я знаю, кто это! Дядя Роберт, да? Он к нам уже заходил. И так на тебя смотрел, так смотрел...

– Привет! – Роберт, уже полностью одетый, стоял в дверях спальни. – Я знаю, тебя зовут Тамар, верно? А твоя мама – самая красивая женщина на свете. Поэтому я на нее «так смотрел», – он вдруг подмигнул. – Я бы вообще смотрел на нее круглые сутки. Не отрываясь. Но нужно еще и работать, никуда не денешься. А перед этим неплохо было бы позавтракать.

– Тетя Оля вчера оладьев нажарила, я их разогревать поставила. И кофе сейчас сварится, – весело сообщила Тамар. – А Ритка валяется, говорит, что голова болит. У нее всегда голова болит, когда английский в расписании. А вы любите оладьи? Можно с медом, можно с вареньем.

– Кто же не любит оладьи? – весело ответил Роберт. – Тем более с медом и с вареньем. Заспанный Рон курил на кухонном балконе. Полина потрепала его по взлохмаченной голове.

– Хватит травить организм. Сейчас завтракать будем. Больше не собираешься медицину бросать?

Он помотал головой:

– Я дурак, да?

– Да нет, что ты. Просто к смерти трудно привыкнуть. Мне и самой иногда хочется все бросить – кажется, что совсем ни на что не гожусь.

– Вы?! – изумленно выдохнул Рон. – Да вы такой хирург...

– И ты таким же будешь, даже, может, и лучше.

– Спасибо вам. Иначе... Я вчера точно каких-нибудь глупостей наделал бы.

– Ничего, все нормально.

Полина, вздохнув, отправилась в детскую.

Рита, накрывшись с головой, делала вид, что спит.

– Вставай, солнышко!

– Ну-у-у. Мне все равно надеть нечего, майка и шорты грязные уже.

Сказать, что болит голова, она все-таки не рискнула – начнут мерить температуру, лечить. Чего хорошего?

Полина покопалась в шкафу. Тамар была на голову выше Риты, и вещи ее оказались безнадежно велики. Ага, вот что-то позапрошлогоднее...

– На! Это тебе подойдет.

Но Рита фыркнула:

– Я обноски не ношу!

– Вечером что-нибудь купим, а сейчас уже некогда, надень пока эти.

– Нет! – закричала Рита. – Мне мама купит! Мне ничего вашего не надо! И вообще, у меня куча одежды!

– Почему же вы с Тамар вчера не зашли к тебе домой и не выбрали, что нужно? Или у тебя ключа нет?

– Все у меня есть! – буркнула девочка.

– Вот и хорошо. Пойдем быстренько все найдем. Нужно поторапливаться, пойдем, – Полина потянула Риту к двери, та с явной неохотой двинулась следом.

В соседской квартире, быстро отбирая необходимые одежки, Полина думала, что с Ритой будет очень и очень непросто.

– Я к маме хочу! – заявила вдруг девочка.

– Хорошо, малыш, я узнаю...

– Я не малыш! – закричала Рита. – Не смей меня так называть!

Полина подумала, что она кричит как раз как трехлетний ребенок, не как десятилетний – ну не взрослый, конечно, но уже почти – подросток. Именно как малыш. Крошечный, впервые оставшийся без мамы. Жалость обожгла остро и пронзительно. Кто сказал, что жалость – это тепло и нежность? Это остро и очень больно. И, конечно, вряд ли стоит сейчас вести Риту к матери. Вид у послеоперационных больных, тем более тяжелых... Полина медленно и неслышно вздохнула.

– Хорошо, не буду. Я узнаю, когда можно к маме прийти.

– Я сейчас хочу! – взвизгнула Рита, и слезы брызнули у нее из глаз.

Полина всегда считала, что «слезы брызнули» – это просто фраза такая. Фигура речи. Но они действительно – брызнули. Так что руке стало мокро и горячо. Она тихонько поднесла ладонь к губам – солоно.

– Рита, – очень спокойно сказала она. – Маме сделали операцию, ей нужно время, чтобы прийти в себя. Я узнаю, пускают ли к ней посетителей. И... когда будет можно. Понимаешь?

– Я сейчас хочу! – захлебывалась девочка.

Ворон

Седой больничный юрист сообщил, что документы на опекуństwo готовы, нужна только подпись самой Лены и ее лечащего врача.

Перед тем как идти к подруге, Полина разыскала врача. В сердце трепыхался слабенький росточек надежды – а может быть, все еще наладится? Ведь бывало же – и совсем, казалось, безнадежные, поднимались. Здесь такая хорошая медицина, а Лена так хочет жить, так переживает за дочь...

Но профессор только покачал головой:

– В ней места живого нет от метастазов. Если она действительно в последний раз обследовалась год назад... Никогда не видел, чтобы процесс развивался настолько стремительно.

– Профессор, ее дочери десять лет, она сейчас живет у меня. Я оформляю опекуństwo...

– Да-да, конечно, я помню. Готовы документы?

– Готовы. Сколько она...

– Вы же врач, сами все понимаете. Какие тут могут быть прогнозы. Неделя? Месяц? Ну, может быть, месяца три... бывают же чудеса.

Возле палаты Полина долго собиралась с духом, глядела на свое отражение в стекле коридорного шкафа, старалась улыбнуться. Улыбка получалась кривой, похожей на гримасу.

Но Лене было как будто все равно, ее интересовал единственный вопрос – готовы ли документы на опекуństwo. Услышав, что все в порядке, она сразу успокоилась.

– Ну вот и хорошо. Значит... – она запнулась. – Значит, Рита одна не останется. Спасибо тебе!

– Да что ты, в самом деле! Все это временно, – Полина старалась очень тщательно контролировать свой голос. Говорят, ложь легко опознать на слух – горло сжимается, и голос выдает. Поэтому женщина следила за голосом очень старательно. – Ты же знаешь, какая здесь медицина. Ну и что, что диагноз! Да все онкологические больные в Израиль едут – потому что здесь их спасают. Операция хорошо прошла, теперь будешь поправляться.

– Вряд ли, – губы Лены дрогнули. – Внутри так давит, как будто там удав громадный свернулся.

– Это правильно, – Полина попыталась улыбнуться, про себя отлично понимая, что означает этот «удав». – После полостных операций всегда так. Надо перетерпеть. Скоро станет лучше. Вот попей, тебе уже можно.

– Мне теперь все можно, – Лена горько усмехнулась. – Только недолго. Риту ко мне не пускай, ладно? Не надо ей этого видеть.

Ночью Полине почему-то приснилась изба. Низкая, бревенчатая, темная – как на картине Сурикова «Меншиков в Березове». И пол, и стены, даже крошечное оконце – все покрыто копотью. Во сне Полина знала: нужно все отмыть, и тогда за окошком блеснет солнце, почерневшие половицы зазолотятся живым деревом, и вообще все будет хорошо. Она ползала на коленях, оттирая вьевшуюся копоть от пола, от стен, от лавок и боялась – за спиной дышала жаром черная страшная печка, заденешь – и она выдохнет новое облако мертвой жирной сажи.

Во сне Полина выгребла черноту из всех углов, вычистила стол и стены, сумев ни разу не задеть страшную печку. Чувствуя, что не в силах больше двинуться, она присела на маленькую скамеечку. Вот сейчас в отмытое окошко блеснет солнечный луч, сейчас станет светло и тепло...

Но оконце закрыла темная тень – на подоконнике сидел ворон. Громадный, черный, он косил на Полину злым блестящим глазом и каркал, каркал, каркал...

Проснувшись она в холодном поту, сердце колотилось где-то в горле, язык был сух, как наждачная бумага. Полина осторожно выбралась из постели, дошла до кухни, вылила в себя три стакана воды и долго-долго стояла под душем. «Надо же, – думала она, – какой медицинский сон! Как хорошо, что я не оперирую онкологию. Наверное, так чувствует себя хирург, вычищая метастазы. Да еще и помнит: все, что он вычистил, скорее всего, вернется. Если уж опухоль метастазирует, она метастазирует... Ну-ка, хватит, – прикрикнула женщина сама на себя. – Нашла время впадать в уныние! У тебя все в порядке, даже более того – у тебя Роберт и две дочери, чего тебе еще? Не гневи судьбу!»

Вернувшись в спальню, Полина долго смотрела на спящего Роберта. За окном висела низкая луна, и в серебряном дрожащем свете его лицо казалось странно молодым. Полина гладила спящего на прикроватном коврике Чампи и старалась дышать медленно и размеренно – это усыпляет. Выспаться нужно непременно – завтра ночное дежурство. Она прижалась к горячему, такому родному плечу и задремала.

Утром Тамар командовала сборами в школу и шикала на Риту:

– Тише ты! У мамы сегодня ночное дежурство.

– Ну и что?

– Как – что? Ей нужно выспаться.

– Подумаешь! Как будто в больнице кушеток нет? Ночью все равно никто ничего не делает, можно и там поспать.

– Ты что, вообще ничего не понимаешь? Во-первых, надо следить за больными – вдруг кому-то хуже станет. Или могут привезти кого-нибудь – и сразу на стол. Как можно спать на дежурстве? Выспаться нужно заранее, а ты топчешься, как стадо слонов. Да еще и хихикаешь все время. Смешинка в рот попала?

– Марта, – Рита опять хихикнула, – Роберту в сандалии нагадила.

– И что в этом смешного? Иди сейчас же вымой сандалии!

– Вот еще! – фыркнула Рита. – Может, он обидится и к себе уедет, ну, где он раньше жил. Чего он здесь-то приклеился, чего ему тут надо? И мама твоя... Роберт ах, Роберт ох.

– Тебе три года, что ли? Или ты дура совсем? – Тамар разозлилась. – Они любят друг друга!

– Да ладно! Лю-ю-ю-бят! Он же старый совсем!

– Ну вот мама тебя еще должна была спросить, кого ей выбрать!

– Моя мама всегда спрашивала... – опустив голову, буркнула Рита.

– То-то у вас никогда никаких мужчин не было. Это, значит, она спрашивала, а тебе никто не нравился! А тетя Лена делала по-твоему. Кошмар! Иди, мой сандалии! Твоя черепаха, ты и убирай!

– И не подумаю даже!

– Значит, будешь косу сама плести, я тебе помогать не стану.

– Подумаешь! – фыркнула Рита. – Я тетю Полину разбужу, она заплетет.

Тамар поняла, что действительно разбудит, цаца балованная. Она вымыла сандалии, заплела Рите косу, сунула ей в ранец сверток с сэндвичами.

– Только попробуй не съешь! Мама и так устает, да еще успевает бутерброды для нас приготовить. А ты выбрасываешь, я видела.

– Лучше бы денег дала, – буркнула Рита. – Мало ли, что мне захочется – может, булочку, может, пирожное. Мне мама всегда денег с собой давала!

– Вот и избаловала так, что смотреть противно! Вечером будешь учиться заплетать косу.

– С какой это стати? – изумилась Рита.

– Потому что это твоя коса, и ты не безрукий инвалид. Пошли, опоздаем!

Рита, надув губы, промолчала. Тамар нравилась ей ужасно: бойкая, самостоятельная, все умеет – и косу заплести, и обед приготовить, и не боится ничего. Да, она старше, привычно оправдалась Рита, но про себя понимала: подруга старше-то всего на год, это совсем немного. Вот если бы стать такой же независимой! Ведь Тамар в самом деле нигде не пропадет, а она, Рита? «Безрукий инвалид» – это было обидно. Но плести косу, готовить обед... Может, еще и полы мыть? Ведь гораздо интереснее посидеть книжку почитать или на компьютере поиграть, а обед и все такое пусть бы кто-нибудь другой сделал.

За размышлениями Рита не заметила, как дошли до школы. В вестибюле она как-то сразу осталась одна. Так повторялось каждое утро: «Тамар, привет!», «Тамар, а к нам вчера попугайчик на балкон залетел, представляешь?», «Тамар, английский сделала? Дашь посмотреть?»

Вот почему к подруге все кидаются? А к ней, Рите, подходили, только когда мама ей что-то эдакое покупала, чего ни у кого еще нет. Вроде той проклятой Ферби. Чертова, чертова, чертова Ферби! Это из-за нее все плохо стало! Зачем только мама ее купила!

Полина проснулась часа через два после ухода девочек. Лежала, глядела искоса на Роберта и улыбалась. Видимо, почувствовав ее взгляд, он приоткрыл глаза и тоже улыбнулся. Полина подумала, что это невероятно – ну как можно проснуться от взгляда? Можно, если любишь, «прошептал» кто-то внутри. Она смутилась, как будто Роберт мог прочесть ее мысли. Он ведь на самом деле мог!

– Вставай, соня! – улыбнулась Полина. – Все на свете проспайшь. Девчонки давно в школу убежали.

– Тогда зачем вставать? – он вытянул руку и привлек ее к себе.

Телефонный звонок ударил, как выстрел – оглушительно и беспощадно.

– Не вставай, ну их! Если что-то нужно, еще раз позвонят. Иди ко мне...

Но Полина уже выскользнула из постели.

– Да... да, понимаю... да, я... да, конечно, спасибо.

Осторожно, точно боясь разбить, Полина положила трубку и тяжело опустилась на кровать. Роберт прижал ее к себе, словно хотел защитить. Защитить от того, от чего защитить было уже нельзя.

Полине хотелось заплакать. Но не получалось.

– Знаешь, она как будто дожидалась, пока я оформлю опеку. Дождалась – и все.

Это не кино

Во время похорон Рите казалось, что все это не взаправду. Собрались зачем-то тупые тетки из маминой библиотеки, соседи, еще кто-то, на маму надели дурацкий белый балахон, а все стоят вокруг на сухой колючей земле и молчат. Жарко, и пить хочется ужасно. Но Полина сказала, что во время похорон пить нельзя. Глупость какая-то!

Или нет. Это похоже на то, как снимают кино. Рита два раза видела. Тоже стоит толпа, тетка стучит черно-белой хлопушкой, потом в середине толпы какие-то люди что-то делают, потом тетка или дядька – почему-то непременно в кепке – говорит: «Снято! Всем спасибо», и все начинают расходиться в разные стороны. Наверное, сейчас тоже кто-то скажет «Снято!», мама встанет, и вообще все будет по-прежнему, и можно будет наконец-то попить!

Но маму зачем-то опускают в яму, возле которой из земляной кучи торчит лопата. Могли бы и убрать. Что-то Полина еще дома про эту лопату говорила. Ну когда же можно будет уже попить!

Полина тихонько подтолкнула ее вперед и зашептала в спину: «Нужно три лопаты земли бросить в могилу!» Рита оглянулась, но помогать ей никто не собирался, все стояли и ждали. Она неловко вытащила лопату, неумело копнула, высыпала землю в яму, где лежала мама. Еще раз. И еще. Опять обернулась, ища, кому отдать лопату, услышала Полинин шепот: «Воткни опять в землю!» Рита криво всадила лопату в земляную кучу и отшагнула назад. На ее место вышла Полина, вытащила лопату...

Как глупо, подумала Рита. Зачем втыкать, когда все равно сразу вытаскивать? И этот, черный, зачем-то к нам идет.

Полина подтолкнула Риту навстречу подходившему раввину. Он надрезал девочке кофту и что-то зашептал.

Рита посмотрела на разрезанную кофту – хоть бы совсем ее снять! Жарко, сил нет. Как пить-то хочется! Так и кажется, что она сейчас просто упадет. Вот прямо в эту яму, к маме. Только, оказывается, ее уже засыпали. Как странно, она почему-то не заметила.

Засыпали? Значит, это не кино? Мама не встанет и ничего уже не будет по-прежнему?

Дома – да, да, да, теперь эта чужая квартира стала ее домом! – Рита сразу забилась в детскую. Прежняя жизнь кончилась. Жизнь, в которой они были вдвоем с мамой. Только вдвоем – и никаких волосатых вонючих мужиков рядом! Правда, Роберт на самом деле не такой уж и противный: замечаний почти не делает, не командует, и пахнет от него чем-то свежим. Полина духами почти не пользуется – Тамар сказала, что врачам посторонние запахи мешают. Какие запахи помешали им вылечить маму?! Ее духи были терпкими и сладковатыми – как хурма. А здесь все, все по-другому, и пахнет совсем не так!

Рита вытащила из рюкзака флакончик маминых духов. Она спрятала его, когда маму забрали в больницу, и каждый вечер потихоньку нюхала, нюхала. Если закрыть глаза, кажется, что все как раньше. Девочка резко открыла флакончик и начала яростно брызгать во все стороны – вот, вот, вот! И на подушку! И на матрас! «Лягу спать, и постель будет мамой пахнуть!»

С кухни доносились голоса: «Тамар, уроки сделай на кухне, Рите сегодня, наверное, хочется одной побыть». – «Да ладно! Она литр воды выпила, сейчас в туалет захочет, потом есть. И вообще она не любит одна быть, всегда в компанию лезет!»

«А вот и не пойду, – рассердилась Рита. Хотя и в туалет, и есть действительно хотелось. – Вот как Тамар всегда знает, что мне хочется есть или пить? Или в компанию? И вовсе не потому что я «не люблю» быть одна! Я люблю. Но мне страшно одной, я боюсь!»

Сумерки были похожи на гречку-размазню: сплошь мутные, неровно-коричневые пятна, не поймешь, то ли рюкзак в углу, то ли притаился кто-то. Рита уткнулась в подушку,

чтобы ничего больше не слышать и не чувствовать – только этот родной запах – и так задремала.

Полина, заглянув тихонько в детскую, уложила Риту поудобнее, накрыла легким покрывалом и долго стояла в раздумьях. Бедная девочка, как же с ней быть? Избаловала ее Лена донельзя. Как приучить Риту к тому, что она – не пуп земли? Замечания делать? Жалко. Ох, как жалко! Ей ведь и так трудно. Здесь все чужое... Полина принялась: надо же, девочка тут, наверное, целый флакон материнских духов вылила. Чтобы хоть что-то было как раньше.

Наутро она осторожно сказала Рите, что надо бы сходить в их квартиру, собрать вещи.
– Я одна пойду! – угрюмо заявила девочка.

Не было ее долго. Полина каждые десять минут подходила к соседской двери, но оттуда не доносилось ни звука. Ни плача, ни шороха – ничего. Понятно, что вещи Рита не собирает. Вспоминает, наверное, переживает. Но не до вечера же ей там сидеть?

Полина осторожно вошла в соседскую квартиру. Тишина. Женщина сдернула простыню с зеркала в прихожей и тихонько заглянула в комнату. Рита сидела на ковре поторецки, уперев локти в колени, уткнув подбородок в сжатые кулачки. Она глядела в пол и тихонько покачивалась. Рядом валялись ножницы и какие-то розовые «ватные» клочки. И еще что-то мелкое, поблескивающее, как разбитый будильник или телефон. Что-то блестело из-под стола. Полина пригляделась и вздрогнула – на нее смотрел глаз.

Круглый, сверкающий, темный, с белым ободком, очень страшный. Ферби! – догадалась Полина, взглянув еще раз на розовые «ватные» ошметки. Она стремительно опустилась на колени, обняла Риту, прижала к себе:

– Девочка моя! Зачем? Ты же так хотела эту игрушку?

Рита разжала кулачки, вцепилась в Полинины плечи – сильно, как когтями – и зарыдала:

– Она... маму... она убила маму!

– Что ты, что ты, маленькая! Это же просто игрушка.

– Нет! Она злая! Она... у нас все хорошо было... а потом... потом сразу...

Полина почувствовала, что и сама сейчас расплечется. Риту было жаль до боли. Вот, уже слезы покатались – не остановишь. Только не рыдать! Слезы – ладно, пусть катятся, их не видно. Она прижала девочку крепче и начала раскачиваться вместе с ней – баюкала, успокаивала, оберегала.

«Золушка»

Взглянув мимоходом в кухонное окно, Полина увидела у подъезда Риту. Раньше девочки ходили в школу и назад только вместе, но у Тамар, учившейся на класс старше, уроки обычно заканчивались позже, и в последнее время Рита все чаще и чаще не дожидаясь, уходила домой одна.

Но сейчас девочка была не одна, рядом с ней стояла странная, неприятного вида женщина. Небрежная и даже, кажется, не очень чистая одежда бесформенным балахоном висит на крупном рыхлом теле. Волосы торчат как попало, корни сантиметра на четыре пегие – лень крашивать седину? Одутловатое отечное лицо – Полина профессионально подумала, что у женщины не в порядке почки, да и у нарколога ей, скорее всего, не помешало бы полегчить. Женщина что-то говорила, хватая Риту за руку, а девочка морщилась, дергала плечом и отступала назад. Помотала головой, как будто не соглашаясь с чем-то, что-то резкое, судя по выражению лица, сказала, даже ногой топнула! Развернулась и скрылась в подъезде. Незнакомка пожалала плечами, махнула рукой и, тяжело переваливаясь на каждом шаге, поплелась в сторону дороги.

Хлопнула входная дверь – Рита зашла в квартиру. Полина вышла в прихожую:

– Риточка, кто это был?

– Никто! – буркнула та.

– Что, совершенно незнакомая женщина? – удивленно спросила Полина. – Зачем она с тобой заговорила? Рита, тебе не три года, а тринадцать, ты уже большая, ты понимаешь, что нужно быть осторожнее? Нельзя вот так запросто идти на контакт с кем попало. Это может быть опасно. Что эта женщина хотела?

– Да ничего.

– Но вы довольно долго разговаривали.

Полина испугалась, что Рита сейчас огрызнется – мол, нечего за каждым моим шагом следить, не маленькая уже! – но странная женщина, похоже, сильно ее расстроила, так что скандалить девочка и не подумала.

– Тетка это. Ну, моя тетка. Мамина сестра.

– Погоди. Но у... – Полина осеклась. – У вас же никаких родных не было.

– Да мама никогда с ней не встречалась. Я ее видела один раз в жизни, в аэропорту, когда мы сюда прилетели. Только она теперь еще толще стала. Как свинья. И воняет так же.

– Свиньи не воняют, – автоматически уточнила Полина. – Но зачем она вдруг пришла?

– Узнала откуда-то, что мама... что мамы нет. И заявила.

– Так ведь три года уже прошло! Что ей понадобилось вдруг?

– Она только сейчас откуда-то узнала. Решила пожить. Не осталось ли, говорит, каких-нибудь вещей от мамы, я же не чужой человек, я тоже право имею. Ну я и... в общем, объяснила ей, куда она может идти со своими правами. Да не переживай, – Рита усмехнулась совсем по-взрослому. – Тетка больше не придет, я ее хорошо послала. А мне наплевать на нее. На-пле-вать! – крикнула она и закрылась в ванной.

Плачет, поняла Полина и долго еще стояла у окна, думая про страшную Ритину тетку, а больше – про саму Риту. Девочка окружила себя непробиваемой скорлупой – не подходите, мне никто не нужен! – в какой же это детской игре надо кричать «я в домике»? Вот Рита и выстроила для себя «домик», в который не то что зайти – заглянуть невозможно. Закрыт наглухо. Но ведь Рита знала, что у нее есть тетя – и, даже не заикнувшись о ее существовании, осталась у Полины. Значит, бесконечные попытки достучаться, пробиться, сломать это ледяное отчуждение – не безнадежны?

Полина вспомнила, как, почти отчаявшись протянуть между собой и Ритой хоть самую тоненькую ниточку, ходила к психологу, вспомнила психологические наставления – только любовь, только забота – и усмехнулась. Уж чем-чем, а любовью и заботой Риту не обделляли. Полина и жалела ее, и страшно боялась показаться «злой мачехой». Девочка, конечно, это чувствовала – и пользовалась напропалую. Ведь это так просто – заявить: «Вы из меня Золушку хотите сделать!» И можно не ходить в магазин, не мыть посуду, не убираться – даже за собой. Тем более что она младшая, значит, с нее можно так строго не спрашивать. Да к тому же – сиротка.

Сиротка! Полине вспомнилось, как Тамар однажды бросила в сердцах: «Да ты не ей, ты мне мачехой становишься! Может, мне в интернат уйти, чтобы не мешать?» Потом, правда, сама же и утешала плачущую Полину: «Ну не надо, мамочка, я знаю, что ты меня любишь! И я тебя очень люблю, просто обидно: Ритка видит, что ты боишься ей лишнее слово сказать, и пользуется этим вовсю, а ты ведешься, как... как первоклашка какая-то!»

Роберт на масочку «бедной сиротки» не реагировал, только пожимал плечами и усмехался – мол, что за глупость! Так что в его присутствии Рита притихала, изображая «хорошую девочку»: разогревала ужин, приносила чай, хвасталась хорошими оценками и, уж конечно, не грубила, была, по выражению Тамар, «прям сахар в шоколаде».

Но Роберт теперь дома бывал мало, все больше и больше погружаясь в работу. Началось все с того, что с одним из своих коллег, Алексом, он нащупал очень перспективную идею для омолаживающих косметических препаратов. Результаты первых испытаний казались чудом: не только кожа, но и подкожные мышцы, казалось, «вспоминали» юность, обретая силу, свежесть и упругость. И Роберт с Алексом решились открыть собственную клинику: косметология препаратная, косметология аппаратная, ну и пластическая медицина, само собой. Административные вопросы, исследования, подготовка документов для патентного бюро – все это занимало очень много времени.

А без Роберта с Ритой было справиться трудно.

Полина задумалась так глубоко, что заметила Роберта, лишь почувствовав его руки на своих плечах. Как это он ухитрился прийти в середине дня? Ох, хорошо-то как... Сердце привычно дрогнуло. Можно вдохнуть родной запах, прижаться и ни о чем не думать.

– Любовь моя, давай купим дом! – он прижал Полину крепче и зарылся лицом в ее волосы.

Вот те на! Какое тут – не думать!

– Ты с ума сошел! У тебя еще с клиникой дел непочатый край, кредиты висят, а ты дом собрался покупать. На какие деньги? погоди, – Полина повернулась и внимательно взглянула на Роберта. – Ты сто лет уже не приходил в середине дня. И сияешь, как будто тебе Нобелевку дали...

– Лучше! Лучше, любовь моя! В общем, у меня две новости. Хорошая и... – он подмигнул, – очень хорошая, прямо замечательная. С какой начинать?

Полина растерялась.

– С какой хочешь.

– Тогда с просто хорошей. Чтобы подготовить, – Роберт улыбался так, что улыбка, кажется, не помещалась на лице. – Когда вдруг слишком хорошо, да еще и неожиданно... Ну ты как врач сама знаешь.

– Ох, не томи уже. А то я не дождусь не только очень хорошей, но и просто хорошей новости, – подыграла Полина. – Скончаюсь от любопытства.

– Значит, так, – он попытался сделать серьезное лицо, но безуспешно, радость освещала его так, словно внутри зажгли самую сильную лампу. – Во-первых, готовы первые патенты. Можно запускать серийное производство. Так что про дом я не просто так сказал. И тебе пора в нашу клинику переходить, хватит на чужого дядю работать.

– Роберт, ну ты же знаешь, почему я... Больница – это надежный заработок, это стабильность. А у меня – девочки.

– А вот и не у тебя! У нас! Понимаешь – у нас!

– Н-нет, не понимаю, – очень медленно произнесла Полина.

– Вот скажите, почему я так люблю эту женщину? – захохотал Роберт. – Упрямая, да еще и непонятливая. Полина, счастье мое! Развод! Все! Понимаешь – все!

Он подхватил ее на руки и закружил. Чампи, всегда чутко реагирующий на хозяйские настроения, запрыгал вокруг, смешно мотая головой и залиvisto взлаивая.

– Ты сейчас что-нибудь уронишь, – дрожащим голосом еле выговорила Полина.

Роберт остановился, прижал ее покрепче и прошептал:

– Королева! Я прошу вашей руки! Выходите за меня замуж, а? Я буду носить вас на руках, я построю для вас бриллиантовый дворец, я...

– В бриллиантовом глаза заболят от сверкания, – прошептала Полина, уже не очень хорошо соображая, что она, собственно, говорит.

– А мы будем жить с закрытыми глазами, – его шепот почти обжигал ухо. – А впрочем, не хотите бриллиантовый – вам достаточно только пожелать. Любой каприз, моя королева!

Мудрость чистой воды

Загнав машину в автосервис, Полина решила прогуляться пешком, благо до дома оставалось всего километра два. Она еще не совсем привыкла к тому, что у них теперь собственный дом – белый, утопающий в зелени, с мраморным бассейном во внутреннем дворе. Возвращаясь с работы, женщина всегда притормаживала перед последним поворотом – как будто за время ее отсутствия дом мог исчезнуть. Но он неизменно оказывался на месте, и от его вида каждый раз счастливо вздрагивало сердце.

А сейчас Полина пойдет пешком, чтобы увидеть свое сокровище не из окна автомобиля, чтобы подойти медленно-медленно, чтобы как следует почувствовать...

Проходя мимо небольшого скверика, женщина нахмурилась – из-за кустов доносился знакомый смех. Рита? Показалось? Полина решительно свернула на узкую дорожку...

За кустами обнаружилась компания парней. Не то рокеры, не то байкеры – кто их разберет! Но не мальчишки, лет, пожалуй, по двадцать пять. В центре компании на низком заборчике сидела Рита... с сигаретой в руке. Полина сделала еще несколько шагов и почувствовала сладковатый «травяной» запах. Нет! Только не это! Правда, сигарета в руке дочери – ну не могла, не могла Полина назвать Риту падчерицей! – казалась обычной. Но кто их нынче знает?

– Рита! Домой! – сурово приказала она.

– Сейчас докурю и приду, – независимо покачивая ногой, дерзко отозвалась девушка.

– Нет, ты погасишь сигарету сейчас же и пойдешь со мной, – холодным «операционным» голосом распорядилась Полина. Все-таки многолетняя «хирургическая» уверенность в беспрекословном послушании медсестер сделала свое дело. Девочка спрыгнула с заборчика, отшвырнула сигарету, подхватила рюкзачок, бросила в пространство «Пока!» и двинулась за Полиной. С самым независимым видом – вроде никто ей ничего не приказывал, она сама так решила – но пошла!

Полина принялась – от Риты пахло только табаком, ничем больше. От сердца немного отлегло.

– Рита... – одержав победу в первом раунде, Полина растерялась.

– Что – Рита?! – вскинулась девочка. – Нотации будешь читать? Надоело!

– Надоело? По-моему, я тебя не нагружаю никакими нотациями. Тебе скоро шестнадцать, мне казалось, что ты почти взрослая. Но сейчас ты ведешь себя, как ребенок. Ты переходишь границы...

– Ах, границы! Кто их установил, границы? И вообще, это ты теперь вместе с Робертом только и делаешь, что через границы скачешь! – в запале Рита уже плохо соображала, что хочет сказать, и несла какую-то чушь. Но – обидную чушь. – Вот и летите в свою Японию! Или куда ты на этот раз собираешься?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.